

Размышляя над прочитанным

УДК 327

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В XXI ВЕКЕ В ОЦЕНКАХ Зб. БЖЕЗИНСКОГО

© 2014 г. **П.Т. Подлесный***

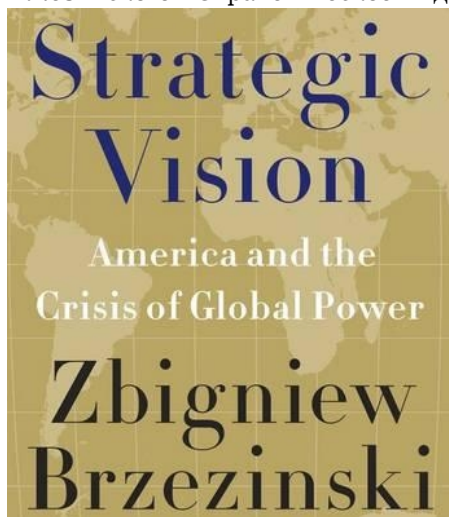
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются оценки перспектив мирового развития, изложенные в очередной книге известного американского политолога Збигнева Бжезинского «Стратегическое видение. Америка и кризис глобальной мощи»^{**}. Особое внимание автор уделяет определению основных целей и задач внешнеполитической стратегии США в XXI столетии.

Ключевые слова: *новый миропорядок, глобальное лидерство, мощь США, Китай, Россия.*

Новая глобальная ситуация

Вышедшая в 2012 г. книга известного американского политолога Збигнева Бжезинского «Стратегическое видение. Америка и кризис глобальной мощи» – наиболее солидное исследование среди опубликованных в США за последние годы работ по проблемам внешнеполитической стратегии в XXI веке. В нём комплексно рассматриваются ключевые тенденции мирового развития в предстоящие десятилетия, выявляются возникающие перед США внешние вызовы и угрозы, определяются долгосрочные цели и задачи американского внешнеполитического курса. В книге немало места отводится оценке перспектив развития России и американо-российских отношений, причём с несколько более оптимистических позиций, нежели автор делал это в предыдущие годы. Новая книга Зб. Бжезинского – логическое продолжение его предыдущих работ, и прежде всего – «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (М.: Международные отношения, 2005) и «Ещё один шанс. Три

* **ПОДЛЕСНЫЙ Павел Терентьевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра российско-американских отношений ИСКРАН. E-mail: Podlpavel@yandex.ru:

** **Zbigniew Brzezinski**. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. 208 p.

президента и кризис американской сверхдержавы» (М.: Международные отношения, 2007).

Обосновывая необходимость данного исследования, автор подчёркивает, что современный мир становится всё более взаимозависимым и взаимопроникающим. Впервые в истории проблемы выживания человечества начинают заслонять более традиционные международные конфликты, причём в ситуации, когда главным мировым державам ещё предстоит приложить глобальные усилия по налаживанию сотрудничества в преодолении новых угрожающих вызовов благополучию человечества (загрязнение окружающей среды, изменение климата, обостряющиеся социально-экономические, продовольственные и демографические проблемы). А без основательной геополитической стабильности любые усилия по налаживанию необходимого международного сотрудничества обречены на неудачу. «Действительно, – подчёркивается в работе, – перемены в распределении глобальной мощи и новый феномен глобального политического пробуждения обнажают, хотя и в разной степени, нестабильность современной системы международных отношений. По мере усиления влияния Китая и соперничества таких поднимающихся государств, как, например, Индия, Россия, Бразилия, за ресурсы, безопасность, экономические преимущества, вероятность просчётов и конфликтов возрастает. Соответственно, США должны стремиться к созданию более широких геополитических основ для конструктивного сотрудничества в глобальных масштабах, одновременно пытаясь приспособиться к растущим чаяниям становящегося всё более требовательным мирового населения» (р. 1).

При этом свои рассуждения автор исследования предваряет двумя важными аргументами.

Во-первых, роль США в мировых делах, несомненно, останется важной в ближайшие десятилетия. Происходящие перемены в распределении глобальной мощи и усиливающиеся глобальные катаклизмы во всё большей мере высвечивают необходимость того, чтобы США «не превращались в государство-крепость» и «не увлекались самособлазняющей идеей культурного гедонизма». Налицо возрастание опасности того, что такая Америка подорвала бы основы формирования миропорядка, в котором центр притяжения смещается от Запада к Востоку. «Миру, – особо подчёркивается в книге, – нужна Америка экономически жизнеспособная, социально привлекательная, ответственно относящаяся к своей силе, мыслящая стратегически, пользующаяся уважением в мире и верно оценивающая свою глобальную вовлечённость на Новом Востоке» (р. 3).

Во-вторых, хотя сегодня многие американские политики и эксперты настроены довольно скептически относительно будущего США и их роли в мировой политике, Зб. Бжезинский отмечает, что аналогичные предсказания о «закате» Америки в прошлом не сбывались. В частности, Соединённым Штатам удалось преодолеть системный кризис конца 1970-х годов, в условиях которого им пришлось пойти на разрядку с СССР в обмен на сохранение статус-кво в разделённой Европе. Кроме того, Америка оказалась более жизнеспособной по сравнению с рухнувшей в начале 1990-х годов советской системой.

Однако имелись факты и противоположного характера. После распада СССР Соединённые Штаты остались единственной сверхдержавой в мире, и казалось, что не только XX век, но и XXI столетие станет «американским». Победа либеральной демократии американского образца, как виделось многим в США, была не только полной, но чуть ли не окончательной. А с учётом того, что либеральная демократия укрепилась прежде всего на Западе, то подразумевалось, что Запад установит определяющие стандарты для всего человечества. Но такой супероптимизм длился недолго. Экономические и финансовые проблемы дали о себе знать уже к исходу 1990-х годов. Военное вторжение в Ирак вылилось в десятилетнюю войну на Ближнем Востоке и в кризис внешней политики США в целом. Финансовая же катастрофа 2008 г. стала почти угрожающей. Экономическая депрессия поставила США и многие другие страны Запада перед фактом неожиданного признания уязвимости их системы в условиях отсутствия необходимых механизмов регулирования экономики и финансов. Более того, в Китае и ряде других стран Азии необычное сочетание экономического либерализма и государственного капитализма продемонстрировало удивительную способность к экономическому росту и технологическим инновациям. В свою очередь, это породило серьёзную обеспокоенность касательно будущего статуса Америки как ведущей мировой державы.

Зб. Бжезинский, конечно, является консерватором, но он выступал в качестве главного критика унилатералистского курса администрации Дж.У. Буша, в сущности, с либеральных позиций. В отношении России он последовательно занимал жёсткую позицию и ещё в 1994 г. говорил о «преждевременности» партнёрства с ней. И только в последнее время он стал признавать растущую роль России на мировой арене и необходимость взаимодействия с ней в решении вопросов международной безопасности и в разрешении конфликтных ситуаций. Бжезинский имеет тесные связи с руководством Демократической партии, он был одним из главных консультантов по внешнеполитическим вопросам в ходе президентской кампании Б. Обамы в 2008 г. Изложенные в книге выводы и рекомендации наверняка получат отражение во внешней политике США, особенно с учётом переизбрания Б. Обамы на второй срок осенью 2012 года.

Утрата Соединёнными Штатами и Западом своего влияния и её причины

Потеря Западом доминирующей роли в мировой политике нарастала на протяжении нескольких десятилетий. Правда, в течение короткого периода в 1990-е годы казалось, что Запад, несмотря на предпринятые дважды попытки Европы совершить коллективное самоубийство в первой половине XX столетия, может организовать своё историческое возвращение на мировую арену. Мирное завершение «холодной войны», вылившееся в распад СССР, стало окончательным шагом к быстрому превращению США в подлинно глобальную сверхдержаву. Считалось, что доминирующая в мире сверхдержава вместе со своим экономически динамичным и политически мотивированным партнёром – Евросоюзом – в состоянии не только восстановить глобальное превосходство

Запада, но и обрести конструктивную глобальную роль. «Однако, – с сожалением пишет Зб. Бжезинский, – коренные сдвиги в распределении глобальной мощи, воздействие нового феномена глобального политического пробуждения на использование этой мощи, негативные последствия внешнеполитических действий США в начале XXI века и растущие сомнения в жизнеспособности американской системы в своей совокупности поставили такое позитивное наследие Запада под вопрос» (р. 8).

Постепенно накапливавшиеся изменения в глобальном соотношении сил породили возникновение нового миропорядка в международных отношениях, что впервые стало очевидным в ходе мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. Кризис этот самым наглядным образом продемонстрировал, что решение глобальных экономических вызовов теперь требует не только использования мощи единственной в мире сверхдержавы и Запада в целом, но также участия государств, которые рассматривались ранее как ещё недостаточно сильные для участия в принятии глобальных экономических и финансовых решений. Признанием коренным образом поменявшейся ситуации стало формирование новой международной организации – «Большой двадцатки», первое заседание которой состоялось в США в 2009 г. Символично, полагает автор исследования, что наиболее заметную роль на этом форуме самых мощных в экономическом и финансовом отношении государств мира играли лидеры двух стран – США и Китая. Кумулятивным эффектом описанных выше событий стала *самоочевидность новой геополитической реальности: постепенное смещение центра притяжения глобальной мощи и экономического динамизма от Атлантики к Тихоокеанскому региону, от Запада к Востоку* (р. 15) (выделено мною. – П.П.)

Оценивая последствия меняющейся конфигурации сил в мире, Бжезинский особо подчёркивает: появление на мировой арене Китая в качестве экономического вызова для США, Индии – в качестве региональной державы и богатой Японии – в качестве тихоокеанского союзника Вашингтона сопряжено с определёнными рисками. Азиатские державы не являются сейчас и не были в прошлом региональными союзниками, как это было с государствами Атлантики в период «холодной войны». Они – соперники, и это в определённой степени похоже на положение евроатлантических стран в колониальный период, и затем на их континентальное соперничество в Европе за геополитическое господство, которое постепенно привело к разрушительным Первой и Второй мировым войнам. Новое соперничество в Азии может на каком-то этапе подорвать региональную стабильность. Разрушительный потенциал этой угрозы подпитывается многочисленностью населения азиатских держав и обладанием некоторыми из них ядерным оружием. Правда, какие-то региональные конфликты между ними будут иметь место в основном в пределах самого Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем не менее, даже сугубо региональный конфликт между любыми государствами Азии, будь то из-за островов, морских путей, водных ресурсов, окажет шоковое воздействие на мировую экономику.

Одним из последствий происходящего в мире рассредоточения мощи и влияния является потенциальная нестабильность глобальной иерархии веду-

щих мировых игроков. Соединённые Штаты всё ещё являются преобладающей силой, но легитимность, эффективность и длительность их лидерства во всё возрастающей степени ставятся в мире под вопрос ввиду многообразия и сложности внутренних и внешних вызовов, с которыми они сталкиваются. Хотя по любым существенным традиционным параметрам силы – военной, технологической, экономической, финансовой – Америка всё ещё впереди.

Европейский Союз мог бы претендовать на второе место в глобальной иерархии, но это потребовало бы формирования более жизнеспособного политического союза и совместного военного потенциала. Экономически ЕС является одним из ведущих глобальных игроков. Численность населения входящих в него стран и объём внешней торговли существенно превосходят аналогичные показатели США. «Однако, – приходит к выводу Бжезинский, – учитывая культурную, идеологическую и экономическую привязанность ЕС к Америке, и более конкретно – через НАТО, Европа, будучи полуобъединённой, остаётся младшим геополитическим партнёром США. ЕС мог бы объединить глобальную мощь с глобальной системной привлекательностью, но со времён окончательного распада колониальных империй европейские государства предпочли оставить более дорогостоящую задачу поддержания международной безопасности для Соединённых Штатов, используя свои ресурсы для создания системы социальной безопасности...» (р. 22).

Иными словами, ЕС, как таковой, не представляет собой крупной независимой силы на мировой арене, считает Бжезинский, хотя Великобритания, Франция и Германия обладают устоявшимся глобальным статусом. Великобритания и Франция – постоянные члены СБ ООН, к тому же они – ядерные державы. Тем не менее, Великобритания по-прежнему занимает двойственную позицию в отношении европейского единства, а Франция не уверена в своих более широких глобальных целях. Германия, являясь экономическим двигателем Европы и превосходя Китай по масштабам экспорта, продолжает занимать сдержанную позицию касательно военных обязательств за пределами Европы. Следовательно, эти три европейских государства могут оказывать действительно глобальное влияние, как части более крупного союза, невзирая на присущие ЕС в настоящее время коллективные трудности.

А вот внушительный экономический рост Китая, его способность к принятию решительных действий, в основе которой лежит чёткое понимание национальных интересов, его относительная отстранённость от жёстких внешних обязательств, постоянно растущий военный потенциал, а также осознание в мире того факта, что Китай вскоре может бросить вызов глобальному статусу Америки, дают основания поставить его на второе место после США в нынешней международной иерархии, несмотря на присущие ему внутренние проблемы.

Установить последующую иерархию глобальной мощи, помимо США и Китая, полагает Бжезинский, весьма непросто. Но к ней определённо надо подключить Россию, Японию, Индию, равно как и неформальных лидеров ЕС – Великобританию, Францию, Германию. Россия обладает высоким статусом в мировой иерархии, в основном, благодаря большим запасам нефти и газа, а также тому, что она является второй после США ядерной державой, хотя

значимость ядерного фактора ослабляется известными внутренними экономическими, политическими и демографическими проблемами. Не говоря уже о том, что как на востоке, так и на западе России расположены экономически более мощные государства. Без ядерного оружия и зависимости ряда европейских стран от российского газа и нефти Россия не занимала бы столь высокого места в мировой пирамиде глобальной мощи. Экономически она сильно отстаёт от Японии, и если бы Япония взяла стратегический курс на более активную международную роль, то она стала бы более крупным, чем Россия, глобальным игроком. Региональные и глобальные амбиции Индии ослабляются её стратегическим антагонизмом с соседями – Китаем и Пакистаном, а также упоминавшимися выше многочисленными внутренними трудностями. Бразилия и Индонезия уже повысили свой статус благодаря участию в обсуждении экономических и финансовых вопросов в рамках «двадцатки», а также выполнению роли региональных лидеров в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии соответственно.

Позитивная сторона новой глобальной конфигурации мощи состоит в том, что она полнее отражает разнообразие современного мира. Доминирование западных государств, считает Бжезинский, безвозвратно ушло в прошлое. Но учитывая существование исторически обусловленных антагонизмов и региональное соперничество между разнообразными и географически рассредоточенными десятью ведущими государствами (США, Китай, Индия, Россия, Великобритания, Франция, Германия, Бразилия, Япония, Индонезия), такое положение дел отражает и возросшую трудность выработки глобальных консенсусных решений в сегодняшней ситуации, когда человечество в целом во всё возрастающей степени сталкивается с критическими вызовами, некоторые из которых потенциально опасны для его выживания. Не ясно также, насколько долго новая глобальная конфигурация сохранится в обстановке, когда мировая политика становится более нестабильной, а периоды глобального доминирования сокращаются. Факт преобладания Запада в течение всего XX века не должен скрывать того, что конфликты внутри него подорвали когда-то доминирующие его позиции. «Действительно, – завершает автор свои размышления по данному вопросу, – даже сегодня неопределённость относительно продолжительности глобальной роли США, снижение центральной роли Европы в мировых делах, равно как и политическая импотенция ЕС, ностальгия России по глобальной роли, которую она не в состоянии играть, распространённое мнение о том, что Китай вскоре может обеспечить глобальное превосходство, надежды Индии стать мировой державой и характерные для неё внутренние и внешние уязвимости, длительное нежелание Японии трансформировать свой глобальный экономический вес в политическую напористость – всё это в совокупности отражает сложившуюся реальность более широкого, но менее устойчивого глобального лидерства» (р. 26).

В книге большое внимание уделяется и такому феномену современного исторического периода, как всестороннее политическое пробуждение человечества, начало которому положила ещё Великая французская революция. Вскрывая корни этого процесса, Бжезинский пишет, что «происходящее сей-

час рассредоточение глобальной мощи подпитывается возникновением нестабильного феномена: всемирного политического пробуждения народов, которые до недавнего времени занимали политически пассивные позиции или подвергались репрессиям. Имевшее место в недавнем прошлом в Центральной и Восточной Европе, а позднее в арабском мире, такое пробуждение является кумулятивным результатом формирования зависимого и внутренне интерактивного мира, связанного современными видами телекоммуникаций и демографического молодёжного бума в менее развитых обществах, состоящих из подлежащих быстрой мобилизации и политически радикальных студентов университетов и социально угнетённых безработных. Обе группы противодействуют более богатой части человечества и масштабной коррупции правителей их государств. Это сопротивление власти и привилегиям порождает популистские настроения, обладающие беспрецедентным потенциалом для организации масштабных беспорядков» (р. 26).

Народные выступления в странах Северной Африки и Ближнего Востока весной 2011 г. явились наиболее ярким примером потенциальных последствий ускоряющегося политического пробуждения, для которого характерно сочетание активности недовольной молодёжи с расширяющимся доступом к технологиям массовых коммуникаций. Эти выступления были направлены против коррумпированных и закостеневших национальных государств. Взаимосвязь между разочарованным, но политически активным молодым поколением на Ближнем Востоке стала новой важной геополитической реальностью наступившего столетия. Особую обеспокоенность Бжезинского вызывает тот факт, что значительная часть новой интеллигенции в постколониальных странах настроена антиимпериалистически. Если такие враждебные антизападные настроения станут преобладающими среди политически активного населения поднимающихся стран, то демократические ценности, которые Запад надеялся привить в начале нынешнего столетия, станут исторически бесполезны.

Постепенно расширяющееся политическое пробуждение придало особую значимость ранее отсутствовавшему измерению соревновательного характера мировой политики – глобальному системному соперничеству. До наступления индустриального века военная мощь, поддерживаемая соответствующим финансированием, была центральным и определяющим инструментом для установления гегемонии, причём зачастую для этого было достаточно захвата территории или победы в одном сражении. В современных же условиях быстрое и масштабное распространение международных новостей и информации, растущее взаимодействие отдалённых экономических и фондовых рынков, широкое использование телевидения и Интернета – всё это порождает непрерывный поток сравнительных данных реального функционирования и будущих перспектив всех крупных социальных систем. «Системная конкуренция, – особо выделяется в работе, – между основными соперниками в настоящее время постоянно анализируется, и её будущие итоги тщательно рассматриваются в мире, особенно зависящем от сравнительного функционирования экономических и социальных систем Америки и Китая» (р. 35). В складывающейся мировой ситуации ни один регион мира со своей политической или культурной

спецификой не может установить глобальное господство. Поэтому Запад, как таковой, не погиб, но эпоха его глобального доминирования завершилась, что, в свою очередь, обнажает центральную зависимость его будущей роли в системе международных отношений от Соединённых Штатов, их внутренней жизнеспособности и исторической адекватности, внешней политики. Ответ на обе проблемы остаётся открытым, а их конструктивное решение в конечном счёте является уникальной исторической ответственностью Америки. Только демонстрация способности её политической и социальной системы добиваться превосходящих результатов может возродить историческую значимость Америки, особенно перед лицом Китая, который во всё большей мере становится привлекательным для «третьего мира». В такой ситуации Запад в целом может оказаться в опасном положении. Европейский Союз, как отмечалось выше, не в состоянии затмить общую привлекательность Америки и занять её роль в мире. В ситуации, когда новому мировому раскладу сил не хватает согласия и коллективного видения будущего, вероятно возникновение глобального беспорядка и политического экстремизма. Парадоксально, но это делает самовозрождение Америки более актуальным, чем когда-либо прежде.

Цели и задачи внешнеполитической стратегии США в XXI веке

Свои рассуждения по поводу долгосрочных задач внешней политики США Зб. Бжезинский начинает с тезиса о том, что судьба глобального статуса Америки в предстоящие десятилетия будет зависеть от успешности и целенаправленности её усилий по преодолению скатывания к социально-экономической устарелости и от её способности создать новый и стабильный баланс сил в Евразии, поскольку как непосредственные внешнеполитические угрозы Америке, так и долгосрочные вызовы глобальной геополитической стабильности сосредоточены именно на этом континенте. Непосредственные угрозы в настоящее время находятся в регионе восточнее египетского Суэцкого канала, западнее от китайской провинции Синьцзян, южнее постсоветских границ России на Кавказе и охватывающем новые государства Центральной Азии. Долгосрочный вызов глобальной стабильности исходит от всё ещё продолжающегося и, соответственно, непредсказуемого сдвига глобального центра притяжения от Запада к Востоку (или от Европы к Азии и, возможно, даже от Америки к Китаю). Юго-Восточный регион пробудившейся восточной части Евразии уже находится в состоянии потенциально опасного кризиса. Эти, по характеристике Зб. Бжезинского, новые «глобальные Балканы», охватывают Ближний Восток, Иран, Афганистан и Пакистан, где США являются единственной крупной внешней державой, которой, возможно, придётся прибегать к военному вмешательству. При этом риски распространяются на новые государства Центральной Азии, а насилие уже интенсифицируется на российском Северном Кавказе с преимущественно мусульманским населением. Каждое из новых центральноазиатских государств потенциально уязвимо со стороны внешнего насилия, все они не чувствуют себя в безопасности, все стремятся к выходу на мировую арену, одновременно пытаясь избежать как российского,

так и китайского доминирования. Иными словами, политически пробудившаяся сейчас Евразия в целом не располагает какой-то общей структурой, и её геополитическая стабильность находится под вопросом.

Новая реальность состоит в том, что ни одно государство, каким бы мощным оно ни было, не в состоянии контролировать Евразию, а следовательно, управлять миром. «Роль Америки, – полагает автор, – особенно после потерянных двадцати лет, в настоящее время должна быть как более тонкой, так и более чувствительной к новому балансу сил... Соответственно, своевременной и необходимой целью осознанных долгосрочных усилий США должно быть установление масштабной геополитической трансъевразийской стабильности, опирающейся на растущую аккомодацию среди старых держав Запада и новых государств Востока. В сущности, реализация такой цели потребует вовлечённости США в формирование более жизнеспособного и расширенного Запада и одновременно содействия сбалансированию растущего соперничества в поднимающемся и беспокойном Востоке. Подобного рода сложный замысел требует постоянных усилий на протяжении нескольких десятилетий, чтобы через такие институты, как ЕС и НАТО подключить к Западу Россию и Турцию, которая уже является членом НАТО и сотрудничает с Евросоюзом. Постоянный реальный прогресс в этой оси мог бы повысить стратегическую значимость Европы, которая во всё большей степени сталкивается с угрозой скатывания к дестабилизирующему геополитическому несоответствию. Стратегическая вовлечённость в Азии должна включать тщательно продуманные усилия по выстраиванию кооперационного партнёрства с Китаем и одновременно способствовать примирению между Китаем и союзной Америке Японией в дополнение к расширению дружественных отношений с такими ключевыми государствами, как Индия и Индонезия. В противном случае соперничество в Азии в целом или боязнь доминирования Китая в частности могут подорвать как новую потенциальную роль Азии, так и её региональную стабильность. Предстоящая задача состоит в том, чтобы превратить долгосрочное геополитическое видение в исторически обоснованную и политически привлекательную стратегию, которая может способствовать подлинному возрождению Запада и усилить стабилизацию Востока в более широких рамках сотрудничества» (р. 131).

Что касается Турции, то важно отметить, что она уже во многом связана с Западом в целом и с Европой в особенности. Она была лояльным и стойким членом НАТО с самого начала создания блока, и проявляла большую готовность помогать альянсу в проведении операций, нежели некоторые другие европейские государства, и она располагает вторыми самыми крупными вооружёнными силами в НАТО. Турция поддерживает всесторонние военные связи с США, в том числе и по чувствительным вопросам, она на протяжении десятилетий развивала конституционные и правовые нормы, совместимые с практикой Евросоюза: «Следовательно, де-факто, хотя пока и не юридически, Турция в некоторых областях является неформальным продолжением Европы и, соответственно, Запада» (р. 135–136). В этой связи Зб. Бжезинский выражает большую озабоченность по поводу того, что продолжающееся отделение Турции от Европы, особенно отказ от приёма в члены ЕС, может породить

сильные антизападные настроения в стране, привести к возрождению исламского фундаментализма, который затормозит марш Турции к модернизации, а в худшем случае подорвёт впечатляющее наследие Ататюрка. Это, в понимании автора, было бы исторически и геополитически негативно ввиду следующих фундаментальных причин. Во-первых, внутренняя демократизация и ширящаяся модернизация свидетельствуют, что эти явления не противоречат исламским религиозным традициям, что очень важно для политического будущего исламского мира, равно как и для глобальной стабильности. Во-вторых, готовность Турции к мирному сотрудничеству со своими ближневосточными соседями соответствует интересам безопасности Запада в этом регионе. В-третьих, тот факт, что Турция, которая во всё большей мере становится западной, светской и одновременно мусульманской и использует свои территориальные и культурные связи с народами бывшей Османской империи и постсоветских государств Центральной Азии, может стать страной, которая ослабляет исламский экстремизм и одновременно усиливает стабильность в Центральной Азии не только к своей выгоде, но и к выгоде Европы и России (р. 138).

Проблемы, связанные с присоединением России к Западу, рассмотрены в работе довольно тщательно и всесторонне.

В отличие от Турции, отношения России с Европой амбивалентны. Политическая элита страны говорит о своём стремлении к более тесным связям с ЕС и НАТО, но на современном этапе не реализует реформы, которые бы этому содействовали. Социальные, политические и экономические программы России не сфокусированы на достижении чётких целей, и их перспективы сравнительно неопределённы. Тем не менее, считает Зб. Бжезинский, и для Америки, и Европы, и России важно, чтобы Россия стремилась к партнёрству с Западом, основывающемуся на приверженности общим политическим, равно как экономическим ценностям. Предстоящие два десятилетия наверняка станут для неё критическими с точки зрения определения перспектив большего – и политически подлинного – сотрудничества с Западом. Зб. Бжезинский признаёт, что нынешняя «постимперская» Россия, в силу своей огромной, малозаселённой, но богатой природными ресурсами территории, обречена играть заметную роль в мировых делах, но в историческом плане Россия не смогла проявить дипломатическое мастерство Великобритании, коммерческие способности демократически привлекательной Америки, терпеливую выдержку исторически уверенного в себе Китая. Она не смогла последовательно проводить государственную политику, которая бы эффективно использовала её естественные ресурсы, огромное пространство и внушительные социальные таланты в целях своего устойчивого развития, создавая одновременно международный образец успешного социального развития. Кроме того, сложные внутренние проблемы подрывают её международные позиции. В дополнение к этому налицо растущая неопределённость касательно растущего исламского движения вдоль новых южных границ и плохо скрываемого беспокойства России по поводу набирающего мощь и перенаселённого соседа – Китая. Кроме того, постоянное пренебрежение в России верховенством закона, возможно, – самое большое препятствие философскому единению с Западом.

В краткосрочном плане тот факт, что в настоящее время у власти стоит та часть элиты, которая связана с традиционными институтами принуждения государства, испытывающая ностальгию по имперскому прошлому, и обращается к националистическим чувствам, глубоко укоренившимся среди общественности, является препятствием для прозападной гравитации России. Видение президентом В. Путиным будущего страны, считает Бжезинский, – устаревший подход, соединяющий напористый национализм, плохо скрываемую ненависть к Америке за её победу в «холодной войне» и тоску по модернизации и статусу сверхдержавы: «Государство, которое он хочет создать, весьма напоминает известный эксперимент Италии с фашизмом – достаточно авторитарное, но не тоталитарное государство, включающее симбиотические отношения между силовыми элитами и олигархическим бизнесом, основанные на плохо скрываемом и напыщенном шовинизме» (р. 145-146). В этой связи в работе содержится призыв проявлять трезвый реализм и осторожно относиться к заявлениям российских политиков о готовности к более широким связям с НАТО. За этими заявлениями, предостерегает автор, скрываются намерения добиться известных целей превратить НАТО в значительной мере слабую организацию. Он категорически выступает против приёма России в НАТО как кратчайшего пути к достижению большего взаимодействия: «Наверняка это привело бы к противоположным результатам. Вступление России, для нынешнего политического положения которой характерны авторитаризм и масштабная коррупция, а мышлению военных присуще чрезмерное стремление к секретности, означало бы попросту конец НАТО как интегрированного союза демократических государств. Это как если бы Россия захотела стать членом ЕС, не проводя прежде необходимой конституционной адаптации к демократическим стандартам Европы, чего пытается в настоящее время добиться Турция» (р. 146).

Тем не менее, в книге отмечается появление в России подающих надежды признаков необходимой геополитической переориентации политики, в том числе и в руководящих кругах страны. Речь идёт не только об интеллигенции, особенно прозападной ориентации, но и о тысячах молодых людей, получивших образование на Западе, растущем числе предпринимателей, имеющих связи с Западом. Российские СМИ, особенно телевидение, преподносят западный стиль жизни в качестве нормы. Постепенное формирование консенсуса в России касательно совокупных негативных последствий отсталости страны даёт надежды на осторожный оптимизм относительно долгосрочных перспектив более стабильных и всё более прочных отношений Запад – Восток, даже в случае неустоявшейся динамики политической жизни в России. Соответственно, если верно, что европейский проект являет собой неоконченный бизнес без более глубоких и широких отношений с Россией, то верно, что и Россия не обретёт безопасного геополитического будущего, равно как и устраивающую её современную и демократическую идентичность без более тесных связей с Западом в целом и с Европой в частности. Без этого Россия наверняка останется внутренне слишком слабой и слишком конфликтной в своих внешних амбициях для того, чтобы стать подлинно демократическим государством.

Иными словами, полагает Бжезинский, не является нереальным после 2025 г. образование Большого Запада за счёт подключения Турции и России. Разумно также предположить, что в течение двух или более десятилетий подлинные кооперационные и устойчивые связи между Западом и Россией могут быть установлены, а при оптимальных обстоятельствах всё это может постепенно вылиться даже во вступление России как в ЕС, так и в НАТО при условии, если она в этот период встанет на путь подлинно всеобъемлющей и основанной на законности демократической реформации, совместимой со стандартами ЕС и НАТО. Наряду с этим беспрепятственное перемещение людей, образование новых возможностей для бизнеса и молодёжи, современные транспортные пути на евразийском материке подтолкнули бы миграцию в малонаселённые регионы Сибири и Дальнего Востока. На протяжении ряда лет космополитичный Владивосток мог бы стать подлинно европейским городом, остающимся в составе России. Расширенная Европа, которая включала бы Россию и Турцию, представляла бы такую Европу, которая, всё ещё имея союзнические отношения с США, могла бы на деле стать крупным международным игроком. Возникший Большой Запад, разделяющий общее пространство и общие принципы, обладал бы большими возможностями для нейтрализации тенденций в некоторых частях Евразии к религиозной нетерпимости, политическому фанатизму или растущей национальной ненависти, предлагая тем самым более привлекательную экономическую и политическую альтернативу.

Другой важнейшей долгосрочной целью внешней политики США, в представлении автора исследования, является установление стабильных и кооперационных отношений с новой пробудившейся Азией. Главный вопрос, который встаёт в этой связи, станет ли Азия XXI века своего рода старой Европой XX века, одержимой соперничеством и постепенно ставшей жертвой саморазрушения, что обернулось бы глобальной катастрофой.

Во-первых, является геополитическим фактором то обстоятельство, что в отличие от Европы начала XX века, являвшейся тогда всё ещё центром мировой мощи, Азия в настоящее время не является или, по крайней мере, пока не является центром военной мощи. Это означает, что любой азиатский лидер при рассмотрении вопроса о крупных военных действиях должен считаться с возможностью интервенции со стороны внешних государств, интересы которых могут быть задеты косвенным образом. Например, в случае настоящей значительной войны (а не просто пограничных инцидентов) между Индией и Китаем, Россия почти наверняка решит оказать Индии помощь тем или иным образом в силу того, что это ослабило бы Китай. Действия США, возможно, определялись бы озабоченностью, чтобы ни одно государство не заняло бы доминирующих позиций в Азии. Следовательно, Америка в целях недопущения одностороннего исхода, наверняка будет стремиться понизить масштабы целей соответствующей войны, равно как и масштабов и интенсивности насилия между двумя противниками.

Осознание правящими кругами азиатских стран реальности существования более сильных потенциальных внешних противников может отчасти быть причиной того, почему военные бюджеты государств Азии сравнительно малы

в соотношении к их ВВП: Китай – 2%; Индия – 3%; Япония – 1%, в то время как США – 4,6%. В случае с Китаем и Индией, уровень их военных расходов и сравнительно скромные ядерные потенциалы дают основания полагать, что ни одна из сторон не рассматривает серьёзно решение с помощью силы существующих или потенциальных разногласий, несмотря на сохраняющиеся подозрения касательно друг друга.

Во-вторых, современная Азия существует в условиях всемирной торговой взаимозависимости, которая не только мешает ставке на односторонние военные действия, но также создает возможности альтернативных источников самоутверждения и реализации национальных чаяний, в частности экономического роста, опирающегося на внешнюю торговлю, тем самым сдерживая национальный экстремизм. Китай, конечно, осознаёт тот факт, что тридцатилетняя трансформация его внутренних социально-экономических условий позволила достичь международных преимуществ, равно как и внушительного социально-финансового статуса. И опыт Китая не является уникальным. Другие успешно развивающиеся государства, прежде всего Южная Корея и страны АСЕАН, получают выгоду от сети взаимосвязей и отношений, которые определённо сдерживают иррациональные устремления ряда стран. Средний класс XXI века в этих странах связан с миром в такой степени, какой никогда не обладали его европейские предшественники. Обучение за границей, частные путешествия, деловые контакты, совместные профессиональные устремления, доверительность транснациональных контактов через Интернет – всё это наверняка содействует не националистическим лозунгам, а большей осознанности их взаимозависимых собственных интересов.

В-третьих, по мнению Бжезинского, надо также иметь в виду и исторический контраст между Европой и Азией: длительные периоды мира между европейскими государствами были скорее исключением, нежели правилом. А национальные государства в системе Восточной Азии, по резкому контрасту, почти непрерывно находились в состоянии мира не сто, а триста лет. Все они были связаны друг с другом, непосредственно или через китайский центр, с помощью торговых и дипломатических отношений, и жили совместно на основе общего понимания принципов, норм и правил, которые и регулировали их взаимодействие.

И, наконец, аналогичным образом природа угроз миру в Азии XXI века отличается от Европы XX века. В случае с Европой основным импульсом к войнам являлись националистически обусловленные территориальные амбиции национальных государств – увеличение территории рассматривалось в качестве средства повышения международного статуса государства или его выживания, например, фашистская концепция «жизненного пространства». «В современной же Азии, – подчёркивает Бжезинский, – внутренние конфликты, проистекающие от этнического разнообразия, и лояльность племён формирующемуся государству в большей мере, нежели стремление к внешним территориальным приобретениям, почти наверняка станут главным источником региональной нестабильности. Действительно, за исключением опасений Пакистана касательно Индии, сохранение стабильности в существующих государст-

вах в большей степени, чем озабоченность по поводу территориальных претензий со стороны своих соседей, в настоящее время могут быть более серьёзной заботой большинства военных командований в странах Юго-Западной и Юго-Восточной Азии» (р. 161).

Завершающий раздел работы посвящён перспективам политики США в АТР, и особенно относительно Китая. Учитывая потенциальную взрывоопасность в регионе, полагает Бжезинский, стабильность там отчасти будет зависеть от того, как Америка выстроит свои отношения в рамках двух переплетающихся региональных треугольников, формирующихся вокруг Китая. Первый из них охватывает Китай, Индию и Пакистан, который может стать крупным звеном конкуренции и серьёзным источником нестабильности. Второй включает Китай, Японию и Корею, а также государства Юго-Восточной Азии, играющие второстепенную, поддерживающую роль. При этом Корея (как Северная, так и Южная) и/или Тайвань могут стать фокусом нестабильности. В обоих случаях, США всё ещё являются ключевым игроком, обладающим способностью изменить баланс сил и оказать влияние на тот или иной разворот событий. «Поэтому, – рекомендует автор исследования, – надо с самого начала заявить, что Соединённым Штатам следует руководствоваться следующим общим принципом: любое прямое военное вмешательство Америки в конфликты между соперничающими странами Азии должно быть исключено. Любой исход либо пакистанской войны, либо войны с участием Китая и даже прямой китайско-индийской войны наверняка повлечёт последствия, которые менее ущербны, нежели возобновление и, возможно, даже расширение американского военного вмешательства на азиатском континенте. Более того, такое вмешательство может вылиться в более широкую цепочку этнической и религиозной нестабильности в Азии» (р. 162-163).

Ясно, что сказанное выше не затрагивает обязательств США по договорам о безопасности с Японией и Южной Кореей, где реально размещены американские военные контингенты.

Первый треугольник означает борьбу за первенство в Азии. Китай и Индия уже являются крупными игроками на мировой арене. Индия – самая многонаселенная страна в мире, её экономика находится на подъёме. Её формальное демократическое устройство и его жизнеспособность в будущем в качестве возможной альтернативы китайской авторитарной модели представляет особый интерес для демократической Америки. Китай уже стал второй экономикой мира и не за горами то время, когда то же будет касаться его военного потенциала, хотя в некоторых аспектах это, возможно, уже стало реальностью. Кроме того, Китай быстро становится восходящей глобальной державой. «Следовательно, – подчёркивается в работе, – китайско-индийские отношения – внутренне конфликтные и антагонистические, при этом Пакистан является региональной точкой соперничества... В любом случае оба государства стали стратегическими заложниками своих субъективных восприятий и своего геополитического положения. Индийцы завидуют экономической и инфраструктурной трансформации Китая. Китайцы, в свою очередь, испытывают презрение к относительной отсталости Индии, особенно в социальной сфере, и

к недостаточной дисциплинированности её населения. Индийцы опасаются китайско-пакистанского сближения, а китайцы ощущают свою уязвимость в связи с потенциальной способностью Индии помешать доступу Китая через Индийский океан к Ближнему Востоку и Африке. Кроме ритуальных подтверждений своей приверженности миру, редко слышны влиятельные частные голоса в пользу комплексной аккомодации, а следовательно, взаимная неприязнь сохраняется и даже нарастает» (р. 163-164).

По твёрдому убеждению Зб. Бжезинского, роль США в соперничестве Китая и Индии должна быть осторожной и отстранённой, особенно в том, что касается какого-то союза с Индией, что, тем не менее, не должно интерпретироваться как безразличие относительно потенциальной роли Индии в качестве альтернативы авторитарной политической модели Китая. Индия может представить такую возможность в будущем, особенно в случае, если ей удастся добиться успехов в соединении устойчивого развития с более убедительной демократией. Следовательно, сдержанность США в отношениях с Индией оправданна, хотя это не должно означать поддержку по таким спорным проблемам, как Кашмир, учитывая и тот факт, что поведение Индии в данном вопросе уязвимо для критики, а также не должно означать, что кооперационные отношения с Индией нацелены против Китая. С учётом того, что некоторые политики в США начали отстаивать идею какого-то формального союза с Индией, нацеленного, как подразумевается, против Китая, а в реальности также и против Пакистана, следует, постулируемая в книге, ясно заявить, что любой такой шаг будет противоречить интересам национальной безопасности США.

Однако не всё так просто обстоит со вторым региональным треугольником, включающим Китай, Японию, Корею, и в меньшей степени Юго-Восточную Азию. В общем плане, положение в этом треугольнике затрагивает роль Китая как доминирующей державы в Азии и природу позиции США в Тихоокеанском регионе. Япония является ключевым военно-политическим союзником США на Дальнем Востоке, хотя её военный потенциал в настоящее время самоограничен, но это может измениться ввиду растущей озабоченности по поводу усиления мощи Китая. Япония также является третьей экономикой мира, которая только недавно была обойдена Китаем. Южная Корея – растущая экономическая держава и давний союзник Америки, на которую она полагается в плане сдерживания любого возможного конфликта со своим непредсказуемым северным соседом (сородичем). Юго-Восточная Азия имеет меньше формальных связей с США, но создала мощное региональное партнёрство (АСЕАН), и также опасается роста мощи Китая. «Но самое главное, – подчёркивает Бжезинский, – что Америка и Китай уже построили такие экономические отношения, которые неуязвимы от любой взаимной враждебности, хотя рост экономической и политической мощи Китая представляет собой потенциальный вызов в будущем нынешнему глобальному преобладанию США» (р. 168).

Учитывая достижения китайской экономики и исторические достижения страны, было бы опрометчивым предполагать, что экономика Китая может внезапно остановиться в своём развитии. Это вовсе не означает отрицания того, что

на ней могут негативно сказаться спад интереса в международных масштабах к китайским потребительским товарам или глобальный финансовый кризис. Кроме того, в стране может возникнуть социальная напряжённость ввиду углубляющегося социального расслоения, а это может повлечь политические беспорядки, в некоторых отношениях напоминающие исторические события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. «Новый китайский средний класс, – продолжает свои рассуждения Бжезинский, – насчитывающий в настоящее время 300 млн. человек, может потребовать больших политических свобод. Но ничто из отмеченного не будет напоминать системной катастрофы Советского Союза. Влиятельная и возрастающая роль Китая в мировых делах – реальность, к которой Америке придётся приспособляться вместо того, чтобы либо демонизировать её, либо предаваться плохо скрываемым мечтам о провале китайского проекта. Более серьёзная опасность, однако, может возникнуть от источника совершенно иного рода – в меньшей степени экономического и в большей – политического характера. Она может возникнуть вследствие постепенного и первоначально незамеченного снижения качества китайского руководства или ввиду более ощутимой интенсивности китайского национализма. Любой из двух факторов или их сочетание может породить политику, наносящую ущерб международным устремлениям Китая и/или оказаться разрушительным для перспектив его устойчивой внутренней трансформации» (р. 169–170).

Особую озабоченность у Бжезинского вызывает, тем не менее, рост националистических настроений. Это в определённой степени стало очевидным при проявлении публичного гнева в отношении сравнительно незначительных инцидентов на море с Японией по поводу спорной принадлежности островов. Проблема Тайваня, в свою очередь, также может породить серьёзное общественное недовольство, направленное против Америки. «Если руководство, опасаящееся потери власти и теряющее чувство перспективы, окажет поддержку националистическим настроениям, – полагает Бжезинский, – то результатом может стать разрушение тщательно отработанного баланса между решением внутренних задач Китая и разумным отстаиванием его внешнеполитических интересов» (р. 171).

Националистический и милитаристский Китай породил бы свою собственную изоляцию. Это ослабило бы всеобщее восхищение китайской модернизацией и стимулировало бы антикитайские настроения в США, возможно, даже при некоторых проявлениях расизма. Кроме того, это наверняка усилило бы политический нажим в пользу создания антикитайской коалиции с любой азиатской страной, озабоченной растущими амбициями Китая. Всё это может превратить ближайших соседей Китая, в настоящее время склонных к партнёрству с расположенным рядом экономическим гигантом, в искателей внешних гарантий (предпочтительно со стороны Америки). Поскольку США имеют военные обязательства перед Японией и Южной Кореей на протяжении нескольких десятилетий, то вопрос о том, как Китай строит свои отношения с ближайшими соседями, самым непосредственным образом затрагивает всю совокупность американо-китайских отношений.

Какой из очерченных выше путей изберёт Китай для достижения своих целей, будет зависеть, по мнению автора, от двух фундаментальных факторов: реакции США на возрождение Китая и его развития в предстоящие годы. Мудрость и осторожность двух государств будут подвергаться в ходе дальнейшего развития серьёзнейшим испытаниям, и ставки для каждого будут очень высоки. Для Соединённых Штатов проблема будет состоять в том, чтобы определить, какие аспекты внешнеполитических амбиций Китая неприемлемы и представляют собой прямую угрозу национальным интересам Америки, а какие отражают новые исторические, геополитические и экономические реальности, с которыми можно, хотя и без энтузиазма, примириться без ущерба для основополагающих американских интересов. В конечном счёте, задача должна состоять в том, чтобы Китай, но, конечно, не любой ценой, стал конструктивным и важным партнёром США в мировых делах.

«Из этого следует, – полагает Бжезинский, – что существует вероятность превращения Китая в крупного глобального партнёра. Америке следует негласно признать реальность китайского геополитического преобладания на сухопутной части Азии, равно как и преобладание растущей экономической мощи Китая. Но перспективы всеохватывающего американо-китайского глобального партнёрства в действительности расширятся, если Америка одновременно сохранит своё собственное значительное геополитическое присутствие на Дальнем Востоке, опирающееся на связи с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и Индонезией, и сделает это независимо от того, нравится это Китаю или нет. Такое присутствие в целом поощрит соседей Китая в Азии (включая тех, кто не был открыто упомянут выше) извлекать выгоду из вовлечённости США в азиатские финансовые и экономические структуры, равно как и из географического присутствия Америки в целях мирной, но более уверенной защиты своей независимости и интересов в тени мощного Китая» (р. 174-175).

В долгосрочном плане сомнительно, что Китай будет в состоянии постоянно противиться давлению взаимозависимого и взаимосвязанного мира, не рискуя оказаться в нём изолированным и заплатив за это высокую цену. Совокупные последствия подъёма среднего класса с ориентацией на международные связи, огромное количество обучающихся за границей китайцев, привлекательность для миллионов молодых людей демократии как образа жизни и как признания их человеческого достоинства, невозможность в век современных средств связи и информации даже для очень решительного политического руководства навязать обществу жёсткую идеологическую изоляцию – всё это говорит в пользу того, что модернизированный и более процветающий Китай также будет проявлять большую склонность присоединиться к демократическому мейнстриму. «В таком складывающемся историческом контексте, – делает вывод Бжезинский, – геополитическая роль Америки на Новом Востоке должна фундаментальным образом отличаться от её прямой вовлечённости в возрождение Запада. Роль США, по существу, является важным источником необходимого стимулирования геополитического возрождения и даже территориального расширения Запада. В Азии Америка, кооперационным образом участвуя в многосторонних структурах, осторожным образом поддерживая развитие

Индии, сохраняя тесные связи с Японией и Южной Кореей и терпеливо расширяя как двусторонние связи, так и глобальное сотрудничество с Китаем, станет наилучшим балансиром, необходимым для сохранения стабильности в регионе глобально поднимающегося Нового Востока» (р. 181).

Двоякая роль США в системе международных отношений

Подводя итог своим рассуждениям о глубоких переменах в мире в наступившем столетии, неизбежно затрагивающих глобальную роль США, Зб. Бжезинский делает ряд обобщающих выводов, важных для долгосрочной внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов.

Во-первых, ещё раз подчеркнув, что в условиях растущей взаимозависимости наиболее мощных в военном, экономическом и финансовом отношениях регионов мира, отношения между Западом и Востоком могут быть либо взаимно кооперационными, либо взаимно ущербными: «Следовательно, центральный вызов Америке и её геополитическая роль в течение нескольких последующих десятилетий должны состоять в том, чтобы возродить себя, создать расширенный и более важный Запад, одновременно выстраивая сложный баланс на Востоке с тем, чтобы конструктивным образом обеспечить глобальный статус поднимающегося Китая и избежать хаоса. Без стабильного геополитического баланса в Евразии, поддерживаемого возрождённой Америкой, прогресс в решении проблем, имеющих ключевое значение для благосостояния, а в конечном итоге и для выживания человечества, будет остановлен. Провал США в проведении амбициозной геополитической повестки дня наверняка ускорит упадок Запада и повлечёт большую нестабильность на Востоке. В Азии национальное соперничество, прежде всего между Китаем, Индией и Японией, усилит региональную нестабильность и постепенно оживит тлеющую враждебность между Китаем и Америкой, в ущерб обеим сторонам» (р. 184).

Во-вторых, успешные действия Америки по расширению Запада, превращению его в самую стабильную и демократическую зону мира, явили бы собой сопряжение силы и принципов. Кооперационный расширенный Запад, простирающийся от Северной Америки через Европу в Евразию и включающий Россию и Турцию, географически достигнул бы Японии, первого в Азии государства, успешно развившего демократию, а также Южной Кореи. Такое расширенное сообщество усилило бы привлекательность коренных демократических принципов для других культур и, следовательно, способствовало бы постепенному появлению в предстоящие десятилетия различных форм универсальной демократической политической культуры.

В-третьих, Америка должна продолжать участвовать кооперационным образом в развитии энергично поднимающегося, но потенциально конфликтного Востока. Если Америка и Китай могут достичь понимания по широкому кругу вопросов, перспективы стабильности в Азии могут серьёзно улучшиться. Это может стать ещё более вероятным, если США одновременно будут поощрять примирение между Японией, своим главным тихоокеанским союзни-

ком, и Китаем, а также сдерживать растущее соперничество между Индией и Китаем. Эти параллельные цели важны, поскольку надо помнить, что Азия больше, чем Китай. Политика США на Востоке должна учитывать тот факт, что обеспечение стабильности в Азии не может сводиться исключительно к партнёрству с Китаем, каким бы желательным оно ни было. «Следовательно, – делает, в сущности, главный вывод Бжезинский, – с тем, чтобы эффективно отреагировать на складывающуюся ситуацию как в западной, так и в восточной части Евразии, Америка должна играть двоякую роль. Она должна стать *двигателем и гарантом* создания более широкого и прочного единства на Западе и одновременно *балансиром и посредником, примирителем* между крупными государствами на Востоке. Обе роли весьма важны, и они должны усиливать друг друга. Но для того, чтобы играть их успешно, Америка должна продемонстрировать миру, что она располагает волей возродить себя дома. Ей следует делать больший упор на такие инструменты национальной мощи, как инновации, образование, способность умело соединять силу и дипломатию, качество политического руководства и привлекательность демократического образа жизни» (р. 185).

Изложенные выше выводы Зб. Бжезинского в немалой степени начинают отражаться в современной практической политике. Это касается определённой корректировки администрацией Обамы внешнеполитических приоритетов США в пользу Азии, осторожности при принятии решений о прямом военном вмешательстве в сложные конфликты в районе Большого Ближнего Востока, в усилиях по созданию зоны свободной торговли с Европейским Союзом.